

Как стало известно “Ъ”, в Белом доме готовится законопроект, призванный обязать предпринимателей нести ответственность за ликвидацию экологического ущерба от своей деятельности и после ликвидации или банкротства. Причина — десятки миллиардов рублей, которые сейчас вынужден платить за нее бюджет. Хотя правительство пока рассматривает лишь правовые механизмы такой ответственности и особенности ведения реестров соответствующих объектов, ведомства уже делят будущее финансовое обеспечение новых механизмов. При этом по вопросу, каким должно быть новое регулирование, пока нет однозначного мнения и у отраслевых экспертов.

По данным “Ъ”, рабочая группа из представителей Минприроды, Минэнерго, Минпромторга, Минэкономики, Минстроя, Минфина, Ростехнадзора, Росреестра и Росприроднадзора готовит правительственный законопроект, призванный обязать юридических лиц, их учредителей и индивидуальных предпринимателей нести ответственность за ликвидацию экологического ущерба после вывода из эксплуатации или консервации объектов, которые оказывали негативное воздействие на окружающую среду, или при ликвидации или банкротстве их собственников. Решение об этом было принято в конце апреля 2020 года на совещании у отраслевого вице-премьера Виктории Абрамченко по итогам изучения наследия, оставшегося после банкротства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК), с которым власти не в силах разобраться уже более шести лет — устранение накопленного экологического вреда от деятельности предприятия оценивается минприроды Иркутской области в 6 млрд руб. «Пока мы пытаемся ликвидировать вред на таких объектах, появляются новые БЦБК»,— отмечала госпожа Абрамченко еще в марте 2020 года.

Это не единственная проблема: в РФ нет не только регулирования соответствующей ответственности и механизмов ее реализации, но и обязанности бизнеса при запуске опасных объектов готовить план вывода их из эксплуатации и ликвидации возможного накопленного вреда, а из реестра опасных производств Ростехнадзора можно выйти просто по заявлению, поясняет “Ъ” один из участников обсуждений в Белом доме. «Необходимо сконцентрироваться на механизмах предупреждения экологического вреда и предусмотреть реальную ответственность и обязанность собственников промпредприятий ликвидировать накопленный экологический вред»,— пояснили цели Белого дома в аппарате госпожи Абрамченко, уточнив, что пока речь идет только о правовых механизмах — говорить о финансовых там считают преждевременным. Проект

закона должен был появиться 22 июня, но работа над ним продолжается, в частности, по данным “Ъ”, обсуждается необходимость обязать собственников при перепродаже участков или банкротстве компаний проводить их экологический аудит.

Тормозит работу над проектом подготовка его финансово-экономического обоснования: так, Минпромторгу, Минэнерго и властям субъектов РФ до конца июля 2020 года поручено провести инвентаризацию всех объектов негативного воздействия, принадлежащих компаниям-банкротам или близким к этому состоянию. В то же время Росприроднадзору и Ростехнадзору поручено обеспечить взаимный доступ к реестрам, в которых в первом случае находятся объекты негативного воздействия на окружающую среду, во втором — опасные производства, гидротехнические сооружения и заключения о промышленной безопасности объектов. В ответе Росприроднадзора на это поручение от 19 июня (есть у “Ъ”) ведомство предлагает объединить обе информационные базы на единой платформе, добавив в нее данные ФГИС «Автоматизированная система лицензирования недропользователей», а также говорит о готовности открыть свою базу для Ростехнадзора и жалуется на то, что в ответ коллеги готовы дать им доступ лишь к отдельным данным. Ростехнадзор же в своем ответе (также есть у “Ъ”) констатирует, что его база в совершенствовании не нуждается, и спрашивает, какие именно данные от него требуются.

Отметим, что, хотя поручения вице-премьера требуют от рабочей группы сначала концептуального выбора конструкции нового регулирования, ведомства уже начали борьбу за его ресурсное обеспечение. Так, Ростехнадзор уже предлагает «совершенствовать» механизмы страхования ответственности, создавать компенсационные или рекультивационные фонды (в том числе на этапе лицензирования добычи полезных ископаемых) с введением прогрессивной шкалы взносов в зависимости от износа оборудования и ужесточать административную ответственность. Со схожей инициативой выступили в Минприроды (см. стр. 5). В Минпромторге же “Ъ” вчера заявили, что отправили в Минприроды предложение об использовании субъектами РФ для ликвидации накопленного вреда «средств, поступающих от взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду». При этом объем их поступлений за весь 2018 год составил чуть больше 13 млрд руб. (см. “Ъ” от 23 марта 2019 года) при ежегодных тратах бюджета, например, Санкт-Петербурга на рекультивацию полигона «Красный Бор» 12 млрд руб. Минфин же выступает категорически против «окраски» бюджетных денег и создания отдельных от бюджета госфондов.

Опрошенные “Ъ” эксперты ВШЭ, агентства АКРА, КПМГ и «Деловой России» (в РСПП инициативу правительства не комментируют) соглашаются, что проблема перезрела. Заместитель главы профильного комитета «Деловой России» Наталья Беляева отмечает, что «такое регулирование должно быть, хотя бизнесу оно не понравится».

Создание же фонда большинство экспертов считают провальной идеей. «Строгий контроль наличия средств на рекультивацию у нового покупателя активов, находящихся в терминальной стадии разработки, позволил бы уменьшить масштаб проблемы, — считает Максим Худалов, руководитель группы оценки рисков устойчивого развития АКРА. — Корректным было бы не вводить новые сборы, а отрегулировать исполнение правил по рекультивации земель». Борис Моргунов из ВШЭ считает, что наиболее действенным для решения этой проблемы был бы механизм саморегулирования при его совершенствовании. «В ЕС соответствующие вопросы регулирует государство, но правилами, которые зависят от уровня потенциальной опасности, а не созданием госфондов», — отмечает он. Директор группы операционных рисков и устойчивого развития KPMG Владимир Лукин, в свою очередь, говорит, что механизм СРО непрозрачен, а распределение денег фондом при аудите и открытой отчетности могло бы быть эффективным.

Коммерсантъ, 8 июля 2020 г.